

Б.П.ПОЛЕВОЙ,
доктор исторических наук,
Санкт-Петербург

«Знать свое Отечество во всех пределах...»

К 290-летию со дня рождения С.П. Крашенинникова

...В августе 1733 года Степан Петрович выехал в Сибирь. Перед молодым ученым открылись просторы огромной страны, раскинувшейся между Уралом и Тихим океаном. Он с увлечением описывает флору и фауну сибирских лесов и степей, совершает поездку на Онон и Аргунь, позднее на Баргузин. На реке Колотовке, в верховьях Витима, его внимание привлекло месторождение слюды. Тогда же С.П. Крашенинников написал свой труд о соборном промысле. Позднее исследователь выезжал на соляные ключи на реке Кептендей, притоке Вилуя, побывал в Олекминске. Академик Г. Ф. Миллер, которому Степан Петрович помогал изучать архивные источники в Якутске, высоко оценивал его трудолюбие и целеустремленность. Именно поэтому и было решено направить Крашенинникова на Камчатку, в связи с чем Миллер и Гмелин разработали для него подробнейшую инструкцию, включавшую восемьдесят девять (!) параграфов.

Простившись в Якутске со своими наставниками 5 июля 1737 года, 19 августа Степан Петрович впервые в жизни увидел серые волны Охотского моря. Необычным показалось ему небольшое селение у «края земли», гордо именовавшееся портом. А между тем Охотск, где Крашенинникову предстояло провести почти два месяца в ожидании отправки судна на Камчатку, считался форпостом России на Тихом океане, здесь снаряжались и уходили в плавание к неведомым землям все русские экспедиции первой половины XVIII века.

Поселившись у охотского казака, Крашенинников не терял времени зря. Он изучал приливы и отливы Охотского моря, проводил метеорологические наблюдения, а заодно собирал сведения по ихтиологии Охотоморья: составил реестр рыб, описав весьма детально три из них. Изучал также зверей и птиц и все, что «выбрасывало море на берег». Уже тогда Крашенинников составил самый первый словарь «ламуцкого языка» («ламутами» начинала с середины XVII века русские называли охотских эвенов: от слова «лама» - море). Пытался он для Петербургской кунсткамеры приобрести и «ламуцкий костюм», но вплоть до своего отъезда в этом так и не смог преуспеть. И все же наряд аборигенов поступил в столицу - местные власти выполнили просьбу студента.

4 октября 1737 года судно «Фортуна» покинуло наконец гавань. Но Степану Петровичу не повезло: он сразу же заболел морской болезнью в острой форме, был «почти бесчувственным». А через девять часов плавания «учинилось нещастие»: «судно вода ододела». Насосы не успевали откачивать воду, и из-за этого, как сообщал Крашенинников, «все, что было на палубе, а также и из судна груз около 400 пуд в море сметали - и так едва спаслись». В результате он «в крайнюю скудность пришел»: в море сбросили не только его провиант, но и чемодан. Молодой ученый буквально остался в одной рубашке. Но, что характерно, все свои книги и инструменты - термометры, барометры, «экзатмоскоп» (?) он спас. Так велико было его чувство ответственности за порученное дело.

Но злключения путешествия на этом не кончились. У самого входа в устье камчатской Большой реки «Фортуна» была выброшена стихией на косу. Морскими волнами «киль и правый бок выломало, и уже оно судно к починке негодно», - писал Крашенинников. Спаслись экипаж и пассажиры лишь чудом.

Оказавшись в Большерецке, Степан Петрович сразу же обратился к местным властям за помощью. Он просил содействия «в строении хором» для участников академического отряда экспедиции, ему также требовались помощники для проведения метеорологических «обсерваций», знатоки языков и обычаев местных племен.

К огорчению студента, Большерецкий архив почти не сохранился: острог не раз подвергался нападениям, из-за чего многие документы погибли. Тогда Крашенинников попросил, чтобы к нему прислали старожилов. Так ему довелось познакомиться со старым камчатским казаком Михаилом Кобычевым. Степан Петрович с увлечением слушал его рассказы о былом, но впоследствии убедился, что многое в них было неверным.

Некоторые помощники Крашенинникова оказали ему неоценимые услуги. Солдат Степан Плишкин, например, не только с успехом занимался метеорологическими наблюдениями в Большерецке, но и по заданию студента побывал на Курилах.

Проявляя повышенный интерес к ихтиологии и зоологии, Степан Петрович уговорил местные власти «из имеющихся в здешних реках рыб каждого рода по две изловить и ко мне принести, и ежели случится киту на берег выброшену быть, чтоб о том мне объявили и прежде осмотра одного кита его б не рознимали, а особливо чтоб приказали промыслить находившегося в здешних местах каменного барана, из морских зверей бобра (калана. - Б.П.) и кога по мужичку и по женочке...» Благодаря этому ему удалось составить весьма ценные коллекции и определить представителей камчатской флоры и фауны.

Встретив Новый год в Большерецке, 17 января 1738 года Крашенинников отправился в свое первое путешествие по Камчатке. Еще в Сибири он интересовался термальными источниками, и ему хотелось сравнить их с камчатскими. Сперва он поехал на реку Бааню (Банную), где описал местные гейзеры и составил их подробный план. Потом решил побывать вблизи Авачинской сопки, на горячем озере у острожка тойона Паратунки, то есть на современной Паратунке. Залюбовавшись «востроверхой» Авачинской сопкой, хотел совершить на нее восхождение, но не смог даже добраться до ее подножия «ради весьма глубоких снегов и частого кедровника». Посетив на обратном пути острожек Мылши (от него, вероятно, и возникло название Малки), 2 февраля Степан Петрович вернулся в Большерецк.

Зимой началось новое путешествие Крашенинникова по «Камчатской земле».

Перебравшись в Верхнекамчатский острог, писал позднее ученый, «пересматривал я старинные дела, которых хотя и много было, однако ж из них к выписанию годного мало нашлось, ибо все почти книги ясачного збору и челобитные были. Выспрашивал у старожилов, Ивана Лосева с товарищи, о завоевании Камчатки, о построении острогов и о бытности прикащиков, в чем великое несходство нашлось между сим описанием, сочиненным по сказыванию большерецкого жителя Михайлы Кобычева...»

Не без трепета взирал путешественник на величественную корону Ключевской сопки. Особенно его взволновал рассказ ительменов о последнем извержении вулкана: «...жители, которые близ

горы на рыбном промысле были, ежечасно к смерти готовились, ожидая кончины. Вся гора казалась раскаленным камнем. Пламя, которое внутри ее сквозь расщелины было видимо, устремлялось иногда вниз, как огненные реки, с ужасным шумом. В горе слышен был гром, треск и будто сильными мехами раздувание, от которого все ближние места дрожали».

В Нижнекамчатском остроге, где Степан Петрович находился с 15 января по 18 марта 1739 года, он

хозяйственные опыты. Лишь в августе он совершил двухнедельную поездку на реку Начилову, где были обнаружены жемчужные раковины, откуда вернулся совершенно больным.

25 сентября в Большерецк прибыли профессор Людвиг Делиль де ла Кройер и адъютант Георг Стеллер, занявшие избу студента. А вскоре Стеллер велел Крашенинникову «быть у него в команде» и сдать ему все материалы исследований. Степан Петрович, никогда не забывавший, что по своему положению он всего лишь простой студент, безоговорочно исполнил все, что от него требовал Стеллер.

Сколько домыслов бытует в литературе о взаимоотношениях этих двух ученых! Американец Леонард Стейнегер даже считал, что Стеллер будто бы увидел в студенте Крашенинникове соперника: потому-де он так быстро отправил его с Камчатки в Сибирь. К сожалению, эту версию подхватили некоторые популяризаторы науки и стали ее «развивать». Можно напомнить читателям, что ранее столь же необоснованно противопоставлялся и Витус Беринг Алексею Чирикову. Малейший факт различия в суждениях раздувался до «принципиального конфликта», тогда как Витус Беринг всегда считал Алексея Чирикова своим самым надежным помощником. Документы показывают, что и

проводил метеорологические наблюдения и расспрашивал старожилов и ительменов о восстании аборигенов 1731 года.

Но не все время Крашенинников занимался расспросами. Выезжая в селения ительменов, он вникал в их образ жизни, а по возвращении в острог хлопотал о строительстве жилья для «господ профессоров», которые намеревались посетить Камчатку.

Не дожидаясь вскрытия реки, Степан Петрович собрался в обратный путь и 13 апреля был снова в Большерецке, где вскоре возобновил свои сельскохозяйственные опыты. Однако и на сей раз они оказались неудачными.

Осенью ученый снова путешествовал по реке Камчатке. Передвигаясь на лодке, он смог существенно уточнить все изгибы реки. Как и прежде, ему не давала покоя мысль, строятся ли в Верхнекамчатском и Нижнекамчатском острогах «хоромы для господ профессоров». Не знал студент, что его наставники успели уже позабыть о своем намерении.

В конце января 1740 года он перешел с реки Караги на реку Лесную, впадающую в Охотское море. С перевала в этом районе в ясную погоду видны одновременно оба моря - Берингово и Охотское. О существовании камчатского перешейка русские казаки впервые узнали еще в середине XVII века.

Спустившись на юг по западному побережью полуострова, Крашенинников затем, поднявшись вверх по реке Тигиль, вышел в долину реки Камчатки и вернулся в Нижнекамчатский острог.

Из Нижнекамчатского острога Степан Петрович поднялся в Верхнекамчатский, где с радостью узнал, что «светлицы» для академиков готовы. Отсюда по Повые проехал к Жупановой реке, посетил Авачинскую губу и уже по знакомому пути возвратился в Большерецк, где опять возобновил свои сельско-

хозяйственные опыты. Лишь в августе он совершил двухнедельную поездку на реку Начилову, где были обнаружены жемчужные раковины, откуда вернулся совершенно больным.

Известность ученого росла. Сам Карл Линней, ботаник с мировым именем, обратился к нему с предложением вести научную переписку. 11 апреля 1750 года Крашенинников стал профессором «натуральной истории» и ботаники, членом академического и исторического собрания с годовым окладом в 660 рублей.

Вскоре, через два месяца, Крашенинникова назначили ректором университета и гимназии. И надо сказать, назначение это было весьма удачным, так как еще на Камчатке он обнаружил большие педагогические способности. Из учеников его тех лет особенно выделялся «пищик» Осип Аргунов, который уже в 1741 году смог самостоятельно составить необычайно ценное этнографическое описание северных Курильских островов.

Став ректором, Степан Петрович привлек к преподаванию своего друга М. В. Ломоносова, согласившегося вести в университете курсы по химии и русскому стихосложению.

В Петербурге опасались, что как только соперники России узнают об открытиях В. П. Беринга и А. И. Чирикова, то поспешат занять те самые земли, об освоении которых мечтал еще Петр I. Русского флота на Тихом океане фактически не было, а деятельность Второй Камчатской экспедиции в 1743 году была приостановлена.

Но вскоре «сама жизнь заставила власти приподнять занавес секретности над материалами экспедиции. В 1748 году уехал в Германию И. Г. Гмелин, утратив веру в возможность публикации своих сибирских трудов. Это сильно встревожило канцелярию Академии наук, и она объявила: «Понеже примечено, что многие камчатские известия разным людям в руки попались, и потому небезопасно, что от одного Академии наук лишится пользы и чести». Ученым, участвовавшим во Второй Камчатской экспедиции, предлагалось свои труды «в такое состояние привести, чтоб их печатать можно было». Вот тогда-то С. П. Крашенинников и получил возможность заняться подготовкой своей книги о Камчатке к изданию.

Постоянное недоедание и перегрузки в работе привели к тому, что Степан Петрович заболел тяжелой формой туберкулеза.

В семь утра 25 февраля 1755 года Степан Петрович Крашенинников скончался.

«Описание земли Камчатки» сразу же произвело огромное впечатление на современников. В Западной Европе сперва появились краткие сообщения о выходе книги, затем вышли первые ее переводы на немецкий и голландский языки. Во Франции «Описанием земли Камчатки» заинтересовался сам Вольтер, и М. В. Ломоносов по его просьбе дал краткое изложение труда своего друга. Мы можем напомнить читателям о выводе А. И. Андреева - «Насколько можно судить по отрывочным известиям историков, настоящие дружеские отношения существовали у Ломоносова только с Крашенинниковым».

Редактор
Евгений ГРОПЯНОВ